

СОДЕРЖАНИЕ

<i>О.Ю. Малинова.</i> Экспертно-аналитические сообщества и формирование общественной повестки дня: Задачи исследовательского проекта.....	4
<i>А.Н. Кулик.</i> Политические реформы в либеральном модернизационном дискурсе современной России	12
<i>Д.В. Ефременко.</i> Экспертно-аналитические сообщества и российская внешняя политика.....	32
<i>О.Ю. Малинова.</i> Экспертно-аналитические организации и идеологическая конкуренция в современной России.....	50
<i>Я.М. Щукин.</i> Конструирование «среднего класса» в опросах общественного мнения	71
<i>О.Ю. Малинова, В.Н. Ефремова.</i> Политические эксперты и «средний класс»: Эволюция медийного дискурса.....	88
<i>В.Н. Ефремова.</i> Экспертные рейтинги как инструменты информационной политики: К вопросу оценки деятельности глав регионов в современной России	103
<i>А.И. Миллер.</i> Политика памяти в России: Роль экспертных сообществ.....	115
<i>О.Ю. Малинова.</i> Сравнительный анализ репрезентации «политологов», «экономистов» и «историков» в российских печатных СМИ	140
Заключение	151

О.Ю. Малинова

**ЭКСПЕРТНО-АНАЛИТИЧЕСКИЕ СООБЩЕСТВА
И ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПОВЕСТКИ ДНЯ:
ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПРОЕКТА**

Производство идей является существенным условием политики в эпоху Модерна, ибо в современных политиях принятие политических решений предполагает постоянную публичную коммуникацию по поводу их объяснения и оправдания. Такой формат политического был обусловлен развитием институтов разделения властей, парламента и прессы, которые стимулировали выработку «публичных идей», увязывающих политический курс с тем или иным пониманием общественных и / или групповых интересов. Однако публичная сфера как социальное пространство, где в более или менее открытом режиме обсуждаются общественно значимые проблемы, формируется во всех модернизирующихся обществах – не только там, где складываются устойчивые демократические институты. Другими словами, не только там, где у правящих есть институциональные стимулы для артикуляции идей в контексте объяснения принимаемых решений управляемым, перед которыми они ответственны.

Этим обусловлена особая роль групп, профессионально занимающихся интеллектуальной деятельностью, в формировании *общественной повестки дня* – определении круга и способов постановки значимых проблем, выработке и обосновании конкурирующих подходов к их решению и прогнозировании возможных последствий. Качество публичной повестки зависит от наличия общественного диалога. Поскольку участие в таком диалоге требует не только доступа к релевантным публичным аренам, но и определенной компетенции, традиционно значимую роль в нем играют группы, профессионально занимающиеся интеллектуаль-

ной деятельностью – «эксперты» и «публичные интеллектуалы». Эти группы представлены специалистами различного профиля и имеют сложную сетевую структуру. Объектом нашего исследования является участие представителей социально-научного и гуманитарного знания в определении круга и способов постановки значимых проблем, а также в выработке и обосновании конкурирующих подходов к их решению и прогнозировании возможных последствий. Деятельность такого рода может быть обращена как непосредственно к лицам, принимающим властные решения, так и к широкому кругу участников публичного пространства.

В первом случае производство смыслов сопряжено с выполнением собственно *экспертных функций*, т.е. использованием профессионального (или иного уникального) знания для выработки рекомендаций, снижающих степень неопределенности при принятии решений. Большинство определений понятия «эксперт» подчеркивают связь экспертной деятельности с функцией принятия решений (которая может осуществляться как представителями власти, так и политическими партиями, общественными организациями или ассоциациями бизнеса). Экспертная деятельность может протекать как в публичном, так и в непубличном режиме. Следует отметить, что весьма значительная часть исследований, посвященных роли носителей профессионального знания в политическом процессе, сосредоточены именно на деятельности экспертных структур, нацеленных на внедрение результатов своих и чужих исследований в публичную практику [Аналитические сообщества... 2012; Зайцев, 2009; 2011; Сунгуров и др., 2012 а; 2012 б; 2013; Сунгуров, 2015 и др.]. Вместе с тем в силу отмеченной выше особенности современного политического процесса не менее значимой функцией интеллектуалов является *формулировка общественно-значимых проблем и легитимация или делегитимация обсуждаемых и принимаемых решений*; эта функция связана с участием в дискуссиях, открытых для широкой публики. Имея в виду оба аспекта участия носителей профессиональных знаний в политическом процессе, мы будем говорить об «экспертно-аналитических сообществах». Рассматривая практики такого участия, мы будем различать деятельность, связанную с экспертным обеспечением принятия политических решений, и деятельность, направленную на формирование общественного мнения.

Предполагается, что вторая функция особенно важна для демократий, поскольку она способствует достижению гражданами «просвещенного понимания» вопросов, по которым принимаются

властные решения [Даль, 2003, с. 166–167]. Однако она является значимой и для недемократических режимов: последние также нуждаются не только в экспертном сопровождении процесса принятия решений, но и в их легитимации авторитетом профессионального знания. Хотя носители такого знания играют важную роль в формировании общественной повестки дня во всех современных обществах, форматы ее реализации зависят от особенностей конфигурации политической системы и сложившихся практик политической коммуникации.

В современной России ключевым актором, определяющим политическую повестку дня, безусловно является власть. Тем не менее участие в этом процессе носителей профессионального знания также весьма заметно. С одной стороны, оно оказывается востребованным в силу высокого уровня неопределенности, обусловленной динамизмом политических и экономических процессов в стране и в мире, а с другой – в какой-то мере компенсирует недостаток активности других акторов, в частности политических партий.

С начала 2000-х годов Администрация Президента демонстрировала заинтересованность в привлечении экспертов к обсуждению готовящихся решений, прежде всего – экономических, чем стимулировала предложение на рынке консалтинговых услуг и аналитических разработок. Некоторые из ныне активных организаций – Центр стратегических разработок (ЦСР), Институт общественного проектирования (ИноП), Институт современного развития (ИнСОР) и др., – были созданы при В.В. Путине и Д.А. Медведеве под конкретные задачи, связанные с разработкой и экспертным сопровождением правительственного курса. Участвовали в этом процессе и другие аналитические центры. В разные годы с Администрацией Президента активно сотрудничали Фонд эффективной политики (ФЭП), Центр политических технологий (ЦПТ), ИноП, Центр политической конъюнктуры России (ЦПКР), позже – ИнСОР и др.; эволюционировали и форматы взаимодействия¹.

В 2008–2011 гг., когда власть оказалась представлена двумя лидерами, роль экспертно-аналитических сообществ в формирова-

---

¹ Попытка обобщения опыта деятельности российских «фабрик мысли», была предпринята исследователями из НИУ-ВШЭ [см.: Сунгуров и др., 2012 b]. Любопытные наблюдения о практике взаимодействия власти и экспертно-аналитических центров также собраны журналистами издательского дома «Коммерсантъ» [см.: Сурначева, Габуев, 2012] и сетевого издания «TheInsider» [Консерваторы на аутсорсинге... 2014].

нии общественной повестки дня заметно возросла, что было обусловлено, с одной стороны, необходимостью содержательной проработки курса на «модернизацию», заявленного президентом Д.А. Медведевым без готовой программы [Малинова, 2012], с другой – латентными различиями в подходах участников властного «тандема», которые по политическим соображениям не могли быть заявлены открыто, но имели важное значение для структурирования общественных дискуссий.

Политическая турбулентность 2011–2012 гг., обусловленная думской, а затем президентской избирательной кампанией (последняя проходила на фоне волны протестного движения), создала новые стимулы для активности экспертных центров. В 2011–2013 гг. они активно включились в выработку нового политического курса, причем к уже существующим экспертно-аналитическим структурам добавились новые, ориентированные на поддержку как правительственной, так и оппозиционной линии. Таким образом, можно говорить о формировании своеобразного «спектра» экспертно-аналитических организаций с разными политико-идеологическими ориентациями. Вместе с тем по мере того как политический курс В.В. Путина обретал более определенную направленность и особенно – в контексте украинского кризиса и «войны санкций» складывалась очевидная асимметрия возможностей влияния экспертно-аналитических сообществ, принадлежащих к разным идеологическим сегментам.

Столь очевидная эволюция контекста, в котором формируется общественная повестка дня, побуждает более внимательно присмотреться к участию в этом процессе представителей экспертно-аналитических сообществ. Целью коллективного исследовательского проекта, продуктом которого является настоящий сборник, было *изучение роли носителей профессионального знания в структурировании общественных дискуссий, особенностей коммуникации на разных публичных аренах, а также специфики складывающихся дискурсивных практик обсуждения общественно-значимых проблем.*

Роль интеллектуалов (интеллигенции, образованного класса) в публичной политике является предметом изучения политической науки и социологии на протяжении долгого времени. Данная проблема включает множество аспектов, что нашло отражение в широком наборе понятий, используемых для описания и анализа различных типов организаций и структур, осуществляющих функцию трансформации профессионального знания в область публичной

практики: интеллектуальные, экспертные, аналитические, эпистемологические сообщества, аналитические центры, фабрики мысли, think-tanks, центры публичной политики и др. Авторы коллективной монографии, подготовленной для серии «Библиотека РАПН», предлагают использовать в качестве наиболее общего понятия для описания этого типа организаций словосочетание «аналитические сообщества» [Аналитические сообщества... 2012, с. 16]. В рамках нашего исследовательского проекта предпочтение было отдано терминам «экспертно-аналитические сообщества», «экспертно-аналитические организации», которые наиболее точно описывают интересующие нас функции групп, профессионально занимающихся интеллектуальной деятельностью, – их участие в структурировании политических дискуссий и формировании общественной повестки дня.

Существует обширная литература, посвященная исследованиям различного рода экспертных и аналитических организаций¹ и их роли в политическом процессе. Наряду с классическими работами зарубежных авторов [Naas, 1992; Stone, Denhem, 2004 и др.] имеется значительное количество трудов российских политологов, анализирующих данную проблему как на национальном уровне, так и на уровне отдельных регионов [Римский, Сунгуров, 2002; Сунгуров и др., 2012 а; 2012 б; Сунгуров, 1999; 2005; 2015; Аналитические сообщества... 2013; Zaytsev, 2012; Зайцев, 2008; 2012; Беляева, 2011; Зайцев, Беляева, 2008; 2009; Никовская, Якимец, 2011; Сморгун, 2001; 2003; 2011; Морозова, 2010; 2012; Морозова, Мирошниченко, 2011; Петров, Титков, 2013; Титков, 2003; 2012; Макарычев, 1999; 2003; 2006; Дахин, Макарычев, 2006; Шлосберг, 2003; Экспертиза... 2006 и др.], а также в сравнительном ракурсе [Перегудов, Лапина, Семененко, 1999; Перегудов, Семененко, 2008; Перегудов, 2003; Амелин, Дегтярев, 1998; Дегтярев, 2003; 2004]. В меньшей степени предметом анализа был дискурс экспертно-аналитических сообществ и связанные с ним коммуникативные практики. Вместе с тем и здесь можно отметить отдельные работы О.Б. Подвинцева [Подвинцев, 2009 б], О.Ю. Малиновой [Малинова, 2006], А.П. Кочеткова [Кочетков, 2009; 2011], а также коллективную монографию «Идейно-символическое пространство постсоветской России» [Идейно-символическое... 2011].

---

¹ Для их обозначения существуют разные термины – «think-tanks», «аналитические центры», «фабрики мысли», «мозговые тресты», «центры публичной политики», «экспертные или аналитические сообщества», «исследовательские центры» и др.

Наш подход к постановке проблемы находится на пересечении двух предметных полей: 1) поля публичной политики, в рамках которого роль экспертно-аналитических сообществ рассматривается в контексте изучения механизмов артикуляции и агрегирования интересов; 2) поля политической коммуникации, логика которого побуждает исследователей сосредотачивать основное внимание на действиях профессиональных политиков. Представляется, что выбранный ракурс анализа дает возможность дополнить имеющиеся исследования роли экспертных сообществ в России, которые в большей степени сосредоточены на изучении развития организаций и практик, содержательным анализом экспертных дискурсов. Вместе с тем предлагаемый нами проект позволяет лучше понять роль носителей профессионального знания в политических коммуникациях и в частности – эмпирически проверить предположение И.С. Семененко о том, что «в формировании повестки дня публичной политики участвует очень ограниченный круг консолидированных вокруг конкретной политической инициативы либо определенной повестки дня интеллектуальных сообществ» [Аналитические сообщества... 2012, с. 35].

Статьи, собранные в настоящем сборнике, посвящены проблеме участия профессиональных аналитических сообществ в формировании общественной повестки дня в современной России. Опираясь на уже имеющиеся исследования развития аналитических и экспертных организаций и особенностей их взаимодействия с властью и гражданским обществом, их авторы фокусируются на изучении содержания экспертных дискурсов, адресованных широкой публике. Предметом нашего анализа является спектр подходов, представленных в публичных выступлениях носителей профессионального знания, посвященных ключевым вопросам общественной повестки дня – политическим реформам, определению краткосрочных и долгосрочных приоритетов российской внешней политики, оценке динамики социальной структуры российского общества, а также проблемам исторической политики. Выбор предметных полей определяется, с одной стороны, их значимостью для общественной повестки дня, с другой стороны, квалификацией участников проекта. Мы видим свою задачу не столько в описании всего спектра проблем, по которым высказываются представители экспертно-аналитических сообществ, сколько в «картографировании» дискурсивного пространства на примерах нескольких ключевых проблем, а также в анализе складывающихся дискурсивных практик.

Сборник открывает статья *А.Н. Кулика*, посвященная анализу дискуссий о роли политических реформ в российских программах модернизации в либеральном сегменте экспертного сообщества. Рассматривая историю подготовки экспертами «стратегий» модернизации России, автор приходит к выводу, что эти документы не смогли должным образом повлиять на политику, проводимую властью. По его мнению, это объясняется тем, что гражданское общество не имеет институционализированных способов участия в процессе формирования повестки дня через разработку стратегических документов в качестве равноправного партнера государства.

Тему взаимодействия государства и экспертного сообщества продолжает статья *Д.В. Ефременко*, в которой рассматриваются публичные экспертные дискуссии по проблемам российской внешней политики и международной безопасности, причем существенное внимание уделяется взаимоотношениям между мозговыми центрами, политическими институтами, группами интересов и гражданским обществом. Отмечая нетерпимость к плюрализму экспертных оценок, нарастающую в определенных кругах, автор подчеркивает, что ограничение экспертной деятельности жесткими идеологическими рамками, а также сокращение возможностей для взаимодействия властных структур с экспертным сообществом довольно быстро может привести к снижению качества политических решений.

О.Ю. Малинова анализирует участие экспертных сообществ в формировании общественной повестки дня в контексте изменений условий выработки политического курса в 2008–2016 гг. Автор приходит к выводу, что в силу скудости предложения внятно сформулированных политических альтернатив, слабости партий, особенностей медиасистемы, а также динамики установок власти и экспертного сообщества на взаимодействие начиная с 2008 г. экспертные организации в России превращаются в ведущих игроков идейно-символического поля, способствуя его более четкому структурированию.

Социальным аспектам проблемы модернизации российского общества посвящены две статьи, сосредоточенные на теме «среднего класса». *Я.М. Шужин* показывает, как повлияла на воображение новой социальной группы деятельность социологических центров, проводящих опросы общественного мнения. *О.Ю. Малинова* и *В.Н. Ефремова* анализируют динамику экспертных дискуссий о «среднем классе» в 2008–2012 гг. Авторы приходят к выводу, что, выполняя заказ на исследование факторов роста среднего класса,

заявленного в качестве официальной цели государственной политики, представители ряда московских экспертных организаций внесли заметный вклад в формирование представлений читающей публики об этой группе и тем самым – в ее социальное конструирование. Однако после возвращения В. Путина к исполнению обязанностей президента тема среднего класса постепенно отошла на второй план, что отражает соотношение ролей власти и экспертных сообществ в ее развитии.

В статье В.Н. Ефремовой рассматриваются медийные репрезентации экспертных рейтингов, посвященных оценке деятельности глав субъектов регионов в современной России, в которых она видит, с одной стороны, определенный этап в эволюции системы оценки эффективности губернаторского корпуса, а с другой – фактор политической значимости экспертных организаций, занимающихся составлением таких рейтингов. Анализируя особенности применяемых ими методик, автор приходит к выводу, что экспертные организации становятся проводниками решений, принимаемых властью.

А.И. Миллер предлагает обстоятельный анализ взаимодействия экспертных сообществ историков с властью на поле исторической политики. Он показывает, как «окна возможностей», возникшие в период политической турбулентности в 2011–2013 гг., в условиях украинского кризиса и «войны санкций» оказались свернуты.

Сборник завершает статья *О.Ю. Малиновой*, в которой публикуются результаты анализа профессиональных профилей экспертов, представляющих сообщества «политологов», «экономистов» и «историков» в российских печатных СМИ.

А.Н. Кулик

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ В ЛИБЕРАЛЬНОМ МОДЕРНИЗАЦИОННОМ ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Тема модернизации и роли в ней политических реформ на протяжении многих лет прочно занимает ведущее место в отечественном академическом и экспертно-аналитическом дискурсе.

Еще в годы горбачевских *ускорения и перестройки* 1980-х – начала 1990-х годов глубокие изменения в социально-политической, экономической и культурной жизни страны актуализировали интерес академического сообщества к проблемам модернизации. Как справедливо отметила Юлия Дунаева, автор обзора научных публикаций, посвященных этой проблематике, характерным моментом *модернизационного дискурса* того времени в отечественной науке стала «жесткая взаимосвязь между интерпретациями термина *модернизация* и состоянием российского общества» [Дунаева, 2003].

С течением времени на смену многовариантности в определении содержания понятия, обозначаемого этим термином, и попыткам вписать его в различные «цивилизационные», «экономические», «культурологические» контексты пришло восприятие модернизации как процесса, охватывающего все сферы общественной жизни – экономическую, социальную, правовую, политическую, культурную; любые значимые изменения в этих сферах взаимосвязаны. Так авторы коллективного исследования Центра политологии и политической социологии Института социологии РАН определяют модернизацию как «многомерную трансформацию общества и государства, вызываемую потребностью их адаптации к меняющимся условиям пространства и времени» [Модернизация и политика в XXI веке, 2011].

Такая интерпретация понятия модернизации имплицитно основывается на системном подходе к исследованию общества, разработанном отечественной научной школой «Философия и методология системных исследований» еще в советские 1960-е годы [Блауберг, Юдин, 1973]. В нем общество рассматривается как открытая саморегулируемая социальная система, способная функционировать и развиваться благодаря приспособительному взаимодействию со своим окружением на основе обратной связи¹. С позиций системного подхода модернизация предстает как естественное движение динамической системы под воздействием возмущающих эндогенных факторов и факторов внешней среды, направленное на сохранение ею интегральной целостности и устойчивости, а политические реформы в России – как составляющая комплекса проблем российского проекта модернизации.

В современных исследованиях проблемы политической модернизации в России часто напрямую связываются с представлениями о стратегии развития государства и общества в целом, о его целях, определяемых национальной повесткой дня. Как указывают авторы доклада «*Стратегия – XXI: версия для обсуждения*», подготовленного в январе 2014 г. Советом по внешней и оборонной политике, в России наметилось восемь основных тенденций, в рамках которых осуществляется поиск идентичности и стратегии развития [Стратегия – XXI, 2014, с. 11]. Однако, с известной долей условности, в российском либеральном модернизационном дискурсе можно выделить два доминирующих принципиальных подхода к политическим реформам² – ценностно-ориентированный, в

---

¹ В системном представлении общество как большая система существует в единстве множества элементов (подсистем) и упорядоченной совокупности относительно устойчивых связей между ними (формы), интегрирующей их в целостное образование. Часть и целое в системе *едины*, что означает, что свойства и отношения каждого элемента (включая политическую подсистему) определяются его местом в обществе, а элементы в совокупности своих свойств и отношений определяют свойства общества как целого. Система – функциональна, она стремится к определенной *цели*, своему *будущему состоянию*. Для социальной системы этот признак является доминирующим, цель в значительной степени предопределяет ее поведение [Блауберг, 1973]. Применение системного подхода в анализе объектов различной природы, включая социальные системы, рассматривается, в частности, в [Малин, 2002]. Попытка использования системного подхода в исследовании проблем российской политики представлена в [Кулик, 1998].

² В конкретных исследованиях, как правило, можно обнаружить присутствие того и другого, но акцент в них ставится по-разному, в зависимости от предпочтений и часто от профессиональной принадлежности экспертов.

котором демократизация выступает прежде всего как самоочевидная, самодостаточная ценность, и «рациональный» целеориентированный, где демократизация рассматривается скорее как условие и средство экономической и технологической модернизации.

Метафорой первого, к которому тяготеет гуманитарное экспертно-академическое сообщество, может служить получившая широкую известность декларация Дмитрия Медведева «Свобода лучше несвободы»¹. Институт современного развития (ИНСОР), созданный под президентство Д. Медведева, опубликовал в 2008 г. доклад «Демократия: развитие российской модели», подготовленный авторитетной группой экспертов института и Центра политических технологий [Демократия... 2008]. В нем демократизация представлена как императив модернизации.

Мощный импульс либеральному дискурсу политической модернизации дала статья «Россия вперед!». В ней Д. Медведев раскритиковал за низкое качество демократических институтов систему правления, созданную Владимиром Путиным, чьим преемником он стал на посту президента, и, высказав убеждение, что «Россия может развиваться по демократическому пути», а ее политическая система – стать «предельно открытой, гибкой и внутренне сложной», призвал общество к участию в широкой дискуссии и к сотрудничеству по стратегическим задачам развития страны [Медведев, 2009].

В 2007 г. политолог Андрей Окара назвал «отсутствие большого системного проекта модернизации страны, а также “непроговоренность” и “недоговоренность” “курса Путина” – недостаточную зафиксированность в словах, идеологемах и образах его целей и сокровенного смысла» едва ли не самыми большими проблемами России [Окара, 2007]. Появление в 2009 г. статьи Д. Медведева и обещание президента, что высказанные оценки и предложения будут учтены при разработке «практических планов развития нашего государства» экспертно-аналитические сообщества восприняли как запрос на модернизационный проект. У них появилось ощущение, что они востребованы властью в качестве субъекта модернизации, ее интеллектуального обеспечения [Перенджиев, 2011].

---

¹ Выступая на пятом экономическом форуме в Красноярске в феврале 2008 г., он заявил, что этот принцип должен лежать в основе российской политики [Медведев, 2008]. Уже в качестве Президента РФ Д. Медведев повторил свое программное заявление на расширенном заседании Государственного совета в апреле 2012 г. [Злобин, 2012].

В дискуссию включились ведущие экспертно-аналитические структуры, в числе которых – Институт национальной стратегии, Институт проблем глобализации и другие. Они представили свои проекты модернизации. ИНСОП вынес на общественное обсуждение независимый экспертный доклад «*Модернизация России как построение нового государства*» [Модернизация России... 2009].

Однако если Д. Медведев в своей программной статье на первое место поставил экономическую и технологическую модернизацию, которые должны стать катализатором изменений в политической сфере, то в докладе ИНСОП модернизация рассматривается, прежде всего, как *политическая реформация* страны. В начале 2010 г. ИНСОП в развитие этого доклада подготовил свой следующий текст «*Россия XXI века: образ желаемого завтра*», в котором попытался восполнить недостаток стратегического целеполагания в модернизационном дискурсе и задать ориентиры для выбора направления развития страны. В докладе постулируется: обязательной составляющей модернизации становится обновление политической системы [Россия XIX века... 2010]. Один из авторов доклада Борис Макаренко¹, представляя его на научном семинаре Фонда Либеральная миссия, сослался как на аксиому на то, что «модернизация – это вообще не про экономику и не про технологии, они лишь средства модернизации. Она представляет собой политический процесс» [Макаренко, 2010].

Научно-образовательное сообщество откликнулось на призыв президента к участию в дискуссии и сотрудничеству многочисленными публикациями в научных журналах и выступлениями публичных интеллектуалов, проведением множества конференций, посвященных различным аспектам модернизации².

В «*Открытом письме*» группы экспертов Президенту Д. Медведеву, опубликованном на портале социальной сети LIBERTY.RU/СВОБОДНЫЙ МИР (проект Фонда эффективной политики), утверждается, что «Никакая модернизация в России не будет успешной, если она не затронет политические институты и сферу принятия государственных решений. Более того, модерни-

---

¹ Председатель Правления Центра политических технологий, директор общественно-политических программ развития ИНСОП.

² Так, в сообщениях только одной конференции, *Политические институты в современном мире*, состоявшейся в декабре 2010 г. в Санкт-Петербургском государственном университете, модернизация в качестве предмета исследования фигурирует 226 раз [Политические институты... 2010].

зация политической системы является решающим условием для стабильности государства в ближайшем будущем» [Как нам модернизировать... 2010].

В аналитическом докладе *«Цели развития тысячелетия в России: взгляд в будущее»*, подготовленном группой авторитетных независимых российских экспертов по инициативе «Программы развития ООН», указывается на необходимость перестройки механизмов и институтов государства. Постиндустриальная модернизация в России, чтобы быть успешной, должна одновременно охватывать экономическую, политическую и социальную сферы. Одним из главных приоритетов государства для ее осуществления должно стать повышение эффективности функционирования институтов политической демократии и правоприменения. «Экономическая политика не даст должного результата, и даже самое лучшее экономическое законодательство останется пустым звуком, если не будет сильных и уважаемых судов, принимающих справедливые решения; пользующихся доверием общества органов правопорядка, обеспечивающих реализацию принятых законов и судебных решений; средств массовой информации, обеспечивающих общественный контроль за деятельностью институтов государственной власти», – говорится в докладе [Цели развития... 2010].

В преддверии президентских выборов, за девять месяцев до рокировки тандема ИНСОР проводит презентацию еще одного аналитического доклада – *«Обретение будущего: стратегия 2012»*, который представляет в качестве наказа будущему президенту от общества «как сделать модернизацию страны необратимой и, главное, успешной». В нем модернизация рассматривается как «проект национального спасения»¹, а ценности свободы и достоинства – как «единственный рецепт сохранения России, обеспечения перспектив ее развития». Ключевую задачу реконструкции политических институтов авторы доклада видят в приведении политической системы в соответствие с духом и буквой Конституции, что в их представлении означает: «отказ от неконституционных практик “управления” демократией; тотальное возвращение

---

¹ Евгений Гонтмахер, заместитель директора по научной работе Института мировой экономики и международных отношений РАН, член Правления Института современного развития), выступая на обсуждении доклада, заявил: «Основная мысль нашего доклада – если мы не будем проводить модернизацию, то мы, к сожалению, можем потерять страну» [Конференция «Обретение будущего...», 2011].

института выборов на всех этажах политической системы; отделение представительной и судебной власти от исполнительной; установление режима политической и коммуникативной свободы с помощью интенсивного развития институтов прямой демократии и гражданского общества» [Обретение будущего... 2011]¹.

Возможно, данное направление модернизационного дискурса получило бы дальнейшее развитие в случае переизбрания Д. Медведева на пост президента РФ на второй срок, но с объявлением 24 сентября 2011 г. кандидатом от «Единой России» В. Путина стало ясно, что он возвращается, как минимум на шесть лет. В апостериорной оценке экспертно-аналитического сообщества тандем оказался политтехнологическим приемом, использованным для того, чтобы В. Путин оставался наверху на время президентства Медведева, а публичная модернизационная риторика последнего обернулось политическим фейком. Оценивая итоги правления Д. Медведева, президент Национального союза политологов приходит к выводу, что тот принципиально ничего не хотел менять [Медведев, 2011]. Некоторые либеральные новации в законодательстве о партиях и выборах не затронули сущности моноцентрического политического режима.

С возвращением В. Путина на третий срок на пост президента на фоне протестных выступлений оппозиции конца 2011 – начала 2012 г. усилились консервативные тенденции в российской политике, и ориентация на стабильность как неизменность политического статус-кво сменила в дискурсе власти стремление к политическим переменам, продекларированное Д. Медведевым.

Любые реформы, включая политические, – это, прежде всего, инструмент достижения определенных целей, заявленных властью, понятных обществу и поддержанных им. Вне внятной стратегической цели / целей существования и развития страны, модернизация как политический проект не имеет шансов на успех.

---

¹ Спустя несколько лет об этом же говорит Андрей Колесников: «Реформы при нынешнем политическом режиме в России невозможны, потому что базовая рамка преобразований – это работающие институты, а среда, способствующая реализации реформаторских начинаний, – политическая демократия. ... Политическая реформа означает фактическое возвращение политической системы России к конституционной рамке; избавление от репрессивных и рестриктивных, антиправовых по своей сути законодательства и правоприменения; обеспечение гарантий права собственности; формирование условий для свободного волеизъявления граждан и представительства всех социальных слоев, а не только тех, кто готов поддерживать власть» [Колесников, 2015 с.].

В 2011 г. участники исследования дискурса власти и оппозиции пришли к заключению, что российское общество не получило ответа на вопрос: каковы его политические цели и ценности [Политический дискурс власти и оппозиции, 2011]. Но и сейчас, как считает А. Колесников¹, российская власть не имеет цели и образа желаемого будущего. Отсутствие у нее стратегии связано с тем, что практически все ее действия мотивированы почти исключительно стремлением сохранить нынешние элиты у власти и законсервировать ее сегодняшнюю модель – «авторитарной, имитирующей демократические процедуры, стимулирующей пропагандистскими методами агрессивные националистические настроения». Он считает, что никто – ни население, ни сам глава персоналистского режима, сформированного в России, – «не хочет никаких реформ – в том числе политических, от которых на самом деле зависит собственно реализуемость экономических преобразований» [Колесников, 2015 а].

Об отсутствии у власти и общества представления о будущем говорит директор аналитического «Левада-центра» Лев Гудков: «Реально в стране и обществе, и это следствие авторитарного режима, стерилизующего, кастрирующего политику, то, что исчезла идея будущего. Никто не знает. И никто даже не задумывается. В лучшем случае, говорят о катастрофизме»² [Проект «Российская элита...», 2014]. К тому же выводу пришла Ежегодная конференция «Левада-центра»: «Россияне испытывают кризис восприятия реальности: представление о том, куда движется страна, утратили и элиты, и общество» [Мухаметшина, 2016].

Но критика режима за отсутствие образа желаемого будущего как цели реформ идет не только со стороны экспертов либеральной ориентации. Так, весьма категорично на этот счет выразился Степан Сулакшин – генеральный директор Центра научной политической мысли и идеологии, отрицающего либеральную мо-

---

¹ Руководитель программы «Российская внутренняя политика и политические институты» Московского Центра Карнеги, колумнист газеты «Ведомости» и интернет-издания «Газета. Ru», член правления Фонда Егора Гайдара.

² 5 сентября 2016 года Министерство юстиции РФ внесло «Левада-центр» в реестр организаций, выполняющих функции иностранных агентов. Л. Гудков видит причину в том, что «Объективные и проверяемые данные о состоянии общества и общественного мнения в стране, особенно в ситуациях резких переломов и кризисов, вызывают острую и болезненную реакцию у ангажированных политиков, чиновников, идеологов, поскольку представляемый социологами диагноз и картина общества расходится с их ожиданиями и политическим интересами [Гудков, 2016].

дель развития для России: «Ну, на самом деле, задаешься вопросом: “А в чем смысл жизни современной России? В чем ее высшие ценности? В чем ее цели? В чем ее стратегии? Куда страна идет? Что впереди?”. Ведь должно быть написано где-то в официальных документах, в Послании Президента должно быть сказано, куда страна идет... Так нет ее, цели» [Сулакшин, 2016].

Совет по внешней и оборонной политике, авторитетная неправительственная организация, стремящаяся выполнять функцию форума по жизненно важным проблемам России, включая и те, что выходят за рамки чисто внешнеполитической и оборонной проблематики, в январе 2014 г. разместил на своем сайте доклад «*Стратегия XXI (Версия для обсуждения)*» [Стратегия – XXI, 2014]. Доклад был подготовлен по результатам дискуссий, в которых приняли участие около двухсот интеллектуалов и политиков *самой разной идейной ориентации*, а также с учетом работ еще более широкого круга ученых и экспертов. Его можно считать продуктом консенсусного модернизационного дискурса российского экспертно-аналитического сообщества образца 2013 г.¹

В преамбуле «*Стратегии*» констатируется, что уже несколько лет Россия пребывает в экономическом и главное – морально-интеллектуальном застое, способном переродиться в деградацию. При продолжении наметившихся тенденций страна обречена на стагнацию, отставание и утерю статуса одной из немногих великих суверенных держав. В отсутствие эффективной стратегии развития, «позитивной повестки дня, предлагаемой властью, или вообще кем бы то ни было», на которое указывают авторы проекта, они предлагают свою «реалистическую стратегию развития страны и общества», не являющуюся «ни правой, ни левой, ни провластной, ни оппозиционной».

В разделе, посвященном развитию институтов политической системы², сама эта система рассматривается как инструмент,

---

¹ Главы доклада «Стратегии XXI» выработывались на основе серий обсуждений, ситанализов с вовлечением почти двухсот экспертов, ученых, общественных деятелей, ведущих практиков. Подготовке каждой главы доклада предшествовала работа по анализу всех основных публикаций, в том числе государственных документов по теме.

² Подготовлен по результатам ситуационного анализа «Модернизация политической системы России», проведенного 17 апреля 2013 г. в Москве с участием экспертно-аналитического и научно-образовательного сообщества. Основной автор – Станислав Каспэ, профессор НГУ-ВШЭ, председатель Редакционного совета журнала «Полития».

функция и миссия которого – «способствовать развитию экономики, поддержанию политической стабильности, оптимальному балансу преемственности и обновления правящих элит, развитию политической нации». «Российская политическая система [оцениваемая с такой позиции. – А. Кулик] ущербна и плоха потому, что она просто-напросто нефункциональна», не обеспечивает достижения тех целей и решения тех задач, для которых предназначена, ее «не удалось соединить ни с какими нормальными ценностями, проверенными рациональным, моральным и историческим разумом. Вообще ни с какими – ни со свободой, ни со справедливостью, ни с патриотизмом, ни с моралью и верой, ни с личной и семейной безопасностью, ни с успехом, ни даже с личным богатством – его нельзя передать наследникам». И в массовом, и в элитном восприятии политическая система ассоциируется, как констатируют авторы «*Стратегии*», «с несвободой, воровством, несправедливостью, цинизмом, бюрократическим абсурдом и беспощадным (хотя пока и ограниченным) структурным насилием. Такая политическая система заведомо нелегитимна и должна быть приведена «в соответствие с требованиями здравого смысла и здоровой нравственности» [Стратегия – XXI, 2014, с. 217].

С началом в 2013 г. украинского кризиса, включением в состав России Крыма, не признанным Генеральной ассамблеей ООН [Резолюция... 2014], и последовавшим разрывом или серьезным ослаблением сложившихся достаточно тесных отношений со странами евро-атлантической цивилизации произошел фундаментальный сдвиг в политике. Президент В. Путин, еще недавно называвший в программной предвыборной статье США и страны Западной Европы образцами «цивилизованной, зрелой демократии» [Путин, 2012 а], в своей «*Крымской речи*» обвинил Запад в проведении еще с XVII в. и до настоящего времени «*пресловутой политики сдерживания России*», [Путин, 2014]. Власть воссоздала в стране атмосферу осажденной крепости, «на которую наступают внешние враги, в которую проникают “иностранцы агенты” и “нежелательные организации”. В ней “пятая колонна” и “национал-предатели” изнутри разрушают “духовные скрепы”» [Колесников, 2015 а]. Геополитика окончательно вытеснила *модернизацию и политические реформы* из официального и официозного дискурса и повестки дня власти на периферию публичной сферы¹.

---

¹С 2015 г. Институт современных медиа совместно с порталом Politanalitika.ru ежемесячно публикует *Индекс двадцати наиболее влиятельных*